

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5531359>

УДК 397

Ярыгин С.А., Кишкенбаева Ж.К.

Ярыгин Сергей Александрович, ведущий научный сотрудник, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, Казахстан, 010000, г. Нур-Султан, ул. Пушкина, д. 11, E-mail: sergeyyarygin80@gmail.com.

Кишкенбаева Жулдызай Калыбековна, начальник отдела гуманитарных исследований, НИИ «Абай академиясы», ЕНУ им.Л.Н.Гумилева, Казахстан, 010000, г. Нур-Султан, ул. Кажымухана, д. 13/1, E-mail: zhuldyzaykk@gmail.com.

Вопросы датирования и культурных связей изобразительных форм эпической традиции ранних кочевников

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы датирования архаичных форм эпической традиции кочевников Саяно-Алтая. В качестве источников используются данные изобразительного искусства. Рассматриваются сцены, выбитые на скалах горы Четвертый Сундук в Хакасии. Рисунки образуют последовательное повествование о жизни героя в трех мирах – Среднем, Нижнем и Верхнем. Сказание обнаруживает сходство с эпической традицией народов Сибири и Центральной Азии. Ряд мотивов, деталей и сюжетов наблюдается в шорском эпосе и тунгусских сказаниях. Иллюстрированный на скалах Четвертого Сундука эпос обладает архаичными чертами, о чем свидетельствует отсутствие сюжетов со сватовством или свадьбой главного героя. А также, судя по типологическому сходству, относится к изобразительной традиции населения тесинской археологической культуры. Это позволяет не только отнести его к догосударственному эпосу, находящемуся в стадии перехода к государственному, но и датировать данный переход последними веками I тыс. до н.э. – первыми веками н.э. Подобные даты не противоречат историческому и политическому развитию кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в период поздней древности.

Ключевые слова: фольклор, эпос, ранние кочевники, искусство, петроглифы.

Yarygin S.A., Kishkenbaeva Zh.K.

Yarygin Sergey Alexandrovich, Ph.D, Leading Researcher, Branch of the Institute of Archeology named after O.H. Margulan, Kazakhstan, 010000, Nur-Sultan, st. Pushkin, 11, E-mail: sergeyyarygin80@gmail.com.

Kishkenbaeva Zhuldyzai Kalybekovna, Ph.D, Head of the Department of Humanitarian Research, Research Institute "Abai Academies", ENU named after L.N. Gumilyov, Kazakhstan, 010000, Nur-Sultan, st. Kazhymukhana, 13/1, E-mail: zhuldyzaykk@gmail.com.

Issues of Dating and Cultural Relations of the Pictorial Forms of the Epic Tradition of the Early Nomads

Abstract. The article deals with the issues of dating archaic forms of the epic tradition of the Sayano-Altai nomads. Fine art data is used as sources. The scenes carved on the rocks of the Fourth Chest Mountain in Khakassia are considered. The drawings form a consistent narrative about the hero's life in three worlds – Middle, Lower and Upper. The legend reveals similarities with the epic tradition of the peoples of Siberia and Central Asia. A number of motifs, details and plots are observed in the Shor epic and Tunguska legends.

The epic illustrated on the rocks of the Fourth Chest has archaic features, as evidenced by the absence of plots with matchmaking or the wedding of the main character. And also, judging by the typological similarity, refers to the pictorial tradition of the population of the Tesin archaeological culture. This makes it possible not only to attribute it to the pre-state epic, which is in the stage of transition to the state, but also to date this transition to the last centuries of the I millennium BC - the first centuries AD. Such dates do not contradict the historical and political development of the nomads of Southern Siberia and Central Asia in the period of late antiquity.

Key words: folklore, epos, early nomads, art, petroglyphs

Актуальность исследования. Эпос является важной частью культурного наследия современных тюркоязычных народов Южной Сибири. Богатейший фонд, разнообразие сюжетов и вариантов сказаний говорят о том, что эпическая традиция прошла длительный путь развития и была широко распространена у языковых и культурных предков тюрков. Изучение ее истоков наиболее ранних форм выступает важной задачей исторической фольклористики. Это возможно с применением сравнительно-исторического анализа фольклорных памятников, древних аутентичных текстов. Однако ограниченность письменных источников и хронологический барьер в виде отсутствия текстов древнее эпохи средневековья заставляет обратиться к анализу источников другого типа. Большим информационным потенциалом обладают археологические памятники: украшения, предметы быта, петроглифы на которых изображены мифологические или фольклорные сюжеты.

Материалы и методы исследования.

В качестве источников используются данные изобразительного искусства, сцены выбитые на скалах горы Четвертый Сундук в Хакасии. Рисунки образуют последовательное повествование о жизни героя в трех мирах – Среднем, Нижнем и Верхнем. Основными методами исследования стали сравнительно-исторический и нарративный. Использовался метод сравнительного анализа текстов.

Дискуссия. Первой крупной работой стало исследование советского археолога М.П. Грязнова, в которой подробно рассмотрены памятники археологии в сравнении с эпосом тюркских и монгольских народов (1961). Ученый детально рассмотрел ряд предметов, среди которых особенный интерес вызывают парные золотые поясные бляхи с изображением «всадников под деревом» из Сибирской коллекции Петра I, найденные в XVIII веке в Сибири или Казахстане (Рис. 1).

Рис. 1. Золотая бляха из Сибирской коллекции Петра I (правая) (по: Грязнов М.П., 1961, С. 24–25; Рис. 10а).

На обеих бляхах даны совершенно одинаковые изображения одной сцены. Под деревом лиственной породы сидят азиатски мужчина и женщина. На коленях

у них лежит еще один мужчина. Сидящий мужчина держит на поводу двух верховых коней. На дереве висит пояс с горитом. В его внутреннем отделении находится

сложный лук, а во внешнем – стрелы, вложенные остриями вниз, оперением вверх. На женщине поверх платья надет халат с ложными, свободно свисающими, пустыми рукавами. Одна рука высунута из-под полы не застёгнутого халата и касается волос мужчины, лежащего у нее головой на коленях. Халат по покрою похож на меховой халат из Катандинского кургана на Алтае. Головной убор представляет собой цилиндрическую шапку с рельефно выступающей планкой на боку и с очень высоким стержнем наверху. Косы подняты вверх и, возможно, привязаны или иным способом прикреплены к стержню головного убора. Во всех своих основных деталях головной убор подобен женскому головному убору из пятого пазырыкского кургана. Обе фигуры мужчин на бляхах так же изображают взрослых мужчин с большими усами. Они одеты в одинаковые короткие куртки, которые на обшлагах рукавов и на плечах затянуты поясом. На бедрах нашивки, вероятно, из более прочного материала. Кони на бляхах имеют узду и седла, которые изображены в подробностях и во всех деталях идентичны седлам и уздечкам из пазырыкских курганов [1, С. 7].

Исследователь отмечает, что все на бляхах говорит об эпическом, героическом содержании изображенной сцены. Наиболее близкий к изображению сюжет содер-

жится в тюркских сказаниях о герое, который в разных вариантах именуется – Кезюйке, Козын-Эркеш, Козы-Корпеш. В алтайской поэме богатырь Козын-Эркеш коварно убит под тополем, изрезан противником на мелкие части. Его молодая жена Байым-Сур пытается оживить его. Кости богатыря соединились, тело срослось, но жизнь не возвращается. Приезжает «брат» Козын-Эркеша богатырь Бачикай-Кара и так же безуспешно пытается его оживить. Только после долгих перипетий им удастся оживить богатыря. В некоторых вариантах это повторяется и в других тюркских сказаниях. Как отмечает автор изображение на паре золотых сибирских блях может служить почти точной иллюстрацией приведённому месту поэмы. Автор ставит два вопроса. Первый, были ли создатели двух блях в пазырыкском стиле ираноязычными или тюркоязычными. И второй, «слагался ли эпос современных тюрко-монгольских народов в среде только тюрко- и монгольских племен, или в этом процессе принимали участие и некоторые ираноязычные племена» [1, С. 9].

Значительным информационным потенциалом обладает памятник со связанным сюжетом повествования в виде череды сцен, выбитых на скальных плоскостях горы Четвертый Сундук в Хакасии (Рис.2).

Рис. 2. Последний бой батыра в Среднем мире. Сцена из Четвертого Сундука
 Данная научная статья подготовлена в рамках реализации проекта АР08053219 «Изучение тюркского фольклора в аспекте нового гуманитарного знания», по грантовому финансированию фундаментальных и прикладных научных исследований понаучным проектам на 2020-2022 годы.

Гора входит в гряду Сундуки, которая протянулась с юга на север по левобережью реки Белый Июс. Гряда является продолжением Ефремкинского хребта отрогов Кузнецкого Алатау и состоит из пяти отдельно стоящих гор-останцев высотой до 200 метров. Свое название гряда получила от самой северной горы, на вершине которой находится скала-останец в форме параллелепипеда. Сами горы получили соответствующие порядковые номера вплоть до пятого. Храм с петроглифами эпического содержания размещается у подножия южной оконечности Четвёртого Сундука, в заболоченной пойме левобережья реки Черёмушки. На данном участке каменные обрывы ориентированные на восток были в древности специально подработаны. Сам храм имеет ряд структурных элементов, которые в свою очередь так же подразделяются на части. Интерес представляет центральная часть, которая подразделяется по вертикали на 3 зоны: верхнюю, среднюю и нижнюю.

Рисунки верхней зоны в основном не дешифровываются. Узнаваемы только голова лося с частью туловища и фигура антропоморфа, изображённого по пояс, с отставленной назад рукой. Эта зона соотносится с представлениями о Верхнем мире. В средней зоне нанесены многофигурные композиции, которые образуют связные сюжеты. Ключевым персонажем композиций является фигура героя, а последовательность картин иллюстрирует его жизненный путь. Эта зона является отображением Среднего мира. Нижняя зона, как отмечают авторы исследования, связана с представлениями о Преисподней. В этой зоне изображено продолжение испытаний главного героя, в его странствиях по Нижнему миру [2, С. 11-13].

Основной сюжет эпического сказания изображен в средней части центрального участка храма. Рисунки показывают этапы земной жизни героя. На первой сцене показано убийство врагами воина, очевидно отца будущего героя. Рядом изображена еще одна убитая фигура - мать героя или боевой товарищ отца. Карика-

турно показаны враги, которые нападают спереди и сзади. На следующей сцене выбито чудесное спасение мальчика женщиной в островерхом головном уборе. Как отмечают исследователи часть её тела оформлена разреженной выбивкой, что может быть свидетельством полубожественного статуса персоны или ее жреческими функциями, как медиатора между миром земным и миром небесным. Далее идет сцена, на которой молодой юноша сражается с великаном, что очевидно может является иллюстрацией первого богатырского подвига. Юноша изображен слабо вооружённым, лишённым признаков физической мощи, с короткой тонкой косичкой, в детской шапочке. Он побеждает гиганта в боевом шлеме, явно не равного ему по силе и набору оружия, который спасается паническим бегством. За этим следует сцена где юноша принимает от бородатого персонажа (старца) богатырские дары: шлем, кинжал, лук. За этим наблюдают скелетообразное существо (возможно дух предка) и шаман, стоящий на медведе и занятый варкой барана в котле. Рядом изображены собака и заглядывающий в котел змий. Следующая важная сцена показывает последние дни земной жизни героя, в которых он уже взрослым, на лыжах отправляется со спутниками в поход и попадает в засаду. Батыр гибнет, поражённый стрелой, а рядом находится сцена где он изображен на смертном помосте. Вероятно он отправился в далекий, северный поход (в страну снегов, так как он на лыжах). В общей баталии принимали участие спутники, возможно духи или боги противостоящих сторон, они выбиты рассеянными линиями. Однако есть между ними различия, спутники врага показаны в виде змеевидных фигур. Далее сюжет перемещает героя в нижнюю часть участка скалы, где изображен Нижний мир. Он сражается с разного вида существами, многие из которых не идентифицируются. Противостоит духам не пропускающим его, сражается с антропоморфным персонажем на волкообразном ездовом животном (вероятно шаман). Поединок очевидно закончился в

пользу героя, который минует двух скелетообразных стражей и с помощью жертвенного лося выходит из мира мертвых. Далее он вновь вступает в сражения с противниками, но теперь уже как обитатель Небесного, Верхнего мира [2; 5].

Изображенные на скалах храма Четвертого Сундука сцены имеют сюжетно-тематическое единообразие, некоторые повторяющиеся мифологические или мифологизированные образы, композиционное построение, систему стереотипных «описаний», что свойственно эпическому сказанию. Ключевые эпизоды данного сказания разбиваются на 6 элементов: 1) потеря родителей и чудесное спасение юного героя; 2) первый богатырский подвиг; 3) инициация и дар герою; 4) гибель героя; 5) странствие героя по Нижнему миру; 6) выход и вознесение в Верхний мир.

Перечисленные сюжеты и их последовательность достаточно стандартны для эпических сказаний. Однако присутствуют детали, которые показывают культурные связи и стадийное положение эпоса в системе развития эпической традиции.

В классических эпосах присутствует важный элемент – сватовство и/или свадьба героя, которая отсутствует в Сундуках. Значимым является «пеший» характер всех подвигов героя, при том, что на других однокультурных петроглифах изображения всадников встречаются часто. Не традиционным является завершение эпоса – смерть главного героя.

В сценах на скалах Четвертого Сундука отсутствует сюжет героического сватовства. В.М. Жирмунский отмечает, что этот сюжет и связанный с ним сюжет «богатырской поездки в поисках невесты (обычно – «суженой», предназначенной герою) занимает одно из важнейших мест в эпической биографии героя» [3, С. 218]. Подобное характерно для эвенских и большей части эвенкийских сказаний, в которых говорится, что вооруженная борьба из-за женщин – недостойное занятие. Это свидетельствует о значительной архаичности тунгусской эпической традиции [4].

Возможно этнографической чертой, которая может говорить об этнических и культурных связях создателей эпоса из Сундуков является «пеший» или точнее «лыжный» характер перемещения героя. В отличие от этого у всех тюрко-монгольских народов региона герой всегда всадник, более того, конь является ближайшим другом и спутником батыра. Лыжи являются неотъемлемой частью военно-охотничьего снаряжения тунгусских (эвенских и эвенкийских) богатырей: «У него (Торгандуна) были серебряные лыжи, / Серебряная панага, / Дважды восьмисажженный лук, / Обоюдоострое копье с лезвием в три пяди, / Пальма с лезвием в семь пядей. / У этого человека были быстрые ноги» [6, С. 237-242]. Однако в письменных источниках посвященных раннесредневековым племенам Южной Сибири встречаются описания «муна тукюэ», т.е. «лыжных тюрков» – туба, милигэ и эжди [7, С. 294]. Перемещение на лыжах отмечается еще для двух крупных этнообразований раннего средневековья. Первые – это басими, которые «стали известны во время династии Суй (589-618). Находятся на юге от Бэйтина и Бэйхая (Байкала), на восток от цзейегу (хягасов). На юге примыкают к горам. Живут рассеянно... Их мужчины мужественны и крепки, все умеют охотиться. В стране много снега, (поэтому) постоянно вместо лошадей употребляют дерево (лыжи), по снегу преследуют оленей... Что касается их жилья, то жилище делают из коры березы. Взрослые мужчины стригут волосы, из бересты делают шапки» [8, С. 49]. Второй – народ байегу: «В их землях растут обильные травы, все люди живут богато... Все люди надевают лыжи и по льду преследуют оленей. Занимаются хлебопашеством и охотой. В стране много хороших лошадей, производится железо. Обычаи сходны с обычаями теле, язык немного отличается» [9, С. 142]. Из этого следует, что для данного эпоса могла быть зафиксирована такая этнографическая черта, которая в период оформления поздних тюрко-монгольских эпосов была утрачена.

Важной сюжетной частью сказания из Сундуков является его начало и конец – гибель отца героя в начале и гибель самого героя в конце. Эта особенность фиксируется и в эпосе шорцев, тюркоязычного народа расселяющегося в Кузнецком Алатау, достаточно близко к Сундукам. Неожиданную концовку в шорском эпосе подчеркивает Д.А. Функ: «Эпическое сказание завершается гибелью главного героя. Это столь редкое событие в саяно-алтайском героическом эпосе...». Такая концовка объясняется следующим образом: «... гибель главного героя – это скорее норма, чем исключение. После гибели героя на смену ему приходят дети, которые тоже иногда погибают, а их, в свою очередь, сменяют внуки. И в каждом поколении есть свой «главный герой» [10, С. 16-20].

Ряд деталей фиксируемых при наблюдении эпоса в Сундуках говорит о том, что его можно поместить в самое начало формирования эпической традиции. Археологические данные помогают определить хронологический отрезок в рамках которого подобные стадиальные формы эпической традиции существовали в культуре кочевников.

Результаты исследования. Хронология нанесения сцен эпического характера и основное время функционирования храма определяется манерой изображений. Подобные стилистические и иконографические признаки встречаются среди очень большого количества наскальных изображений ряда памятников Южной Сибири. Фактически, эти многочисленные изображения составляют особый пласт в наскальном искусстве региона. Выделен он был по материалам Кавказской писаницы, а также стилистически близких им петроглифов таких памятников, как Куня, Полосатая, Тепсей, Оглахты и Суханиха, Боярские писаницы. Одним из признаков по которым выделяется данный пласт наскальной живописи это изображения человеческих фигур со специфическими изогнутыми «султанчиками» на голове (островерхие головные уборы, косицы, хвосты волос, плюмажи и т. д. – возможны разные

трактовки этих изображений). На скалах Соснихи они сочетаются с фигурами сидящими на лошадях, которые в свою очередь изображены в стиле, не имеющем никакого отношения к «скифо-сибирскому» (собственно тагарскому). По стилистическим приемам данный тип петроглифов расположен между тагарскими и таштыкскими изображениями. Хронологическим репером выступают и изображения котлов на скалах Большой и Малой Боярской писаниц, Оглахты, Хызыл-Хаи и Сундуков. Они имеют детальное сходство с котловидными сосудами, найденными при раскопках Большого Тесинского кургана (II – I-й половина I в. до н.э.). Эти петроглифы оставлены населением тесинской культуры (конец III в. до н.э. – начало III в. н.э.). Проведя анализ материалов раскопок погребальных памятников, соорудившихся в степях Среднего Енисея в указанный период, Н.Ю. Кузьмин пришел к выводу о нескольких волнах переселений в конце I тыс. до н.э. на территорию Минусинской котловины. Первая волна связана с миграциями из ареала пазырыкской культуры Алтая, при этом местная тагарская культура не прекратила своего существования, но существенно изменилась под влиянием пришельцев. Следующие волны были связаны с мигрантами из Тувы и более отдаленных регионов Центральной Азии [11-13].

Выводы. Таким образом, петроглифы из храма в Четвертом Сундуке свидетельствуют существованию эпоса, находящегося на стадии развития от догосударственного к государственному. Этот период может датироваться периодом с конца III в. до н.э. до III в. н.э. Нижняя дата близка к определенным М.П. Грязновым временным рамкам для сюжета из Козы-Корпеш и Баян-сулу (V–III вв. до н.э.). Наличие сходства между тюркским эпосом и эпическими сюжетами отраженными в памятниках искусства ранних кочевников Саяно-Алтая, позволяет предположить, что начало формирования первого относится к концу I тыс. до н.э. – рубежу эр.

Данная научная статья подготовлена в рамках реализации проекта АР08053219 «Изучение тюркского фольклора в аспекте нового гуманитарного знания», по грантовому финансированию фундаментальных и прикладных научных исследований по научным проектам на 2020-2022 годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Вып. 3. 1961. С. 7-31.
2. Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад (каталог коллекции). // Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. С.120
3. Жирмунский, В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. // М.: Изд-во восточной лит., 1960. С.333
4. Бuryкин А.А. К типологической характеристике ранних форм эпоса: по материалам северотунгусских народов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. №4 (08). 2017. С.5-16.
5. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса.//М.: Восточная литература, 2004. С.464
6. Yakovleva M.P. The Hero's Type in Heroic Legends of the Evenk But Clan // Bulletin of the KIN of the RAS. 2016. Vol. 23. Is.1. P. 237-242.
7. Бичурин (Иакинф) Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. // Т.3.М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С.328
8. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Выпуск первый. // М.: Издательство восточной литературы, 1961. С.391
9. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. // Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С.432
10. Шорский героический эпос. Т. 3: Сыбазын-Олак. Выспоренная Алтын-Торгу. Кара-Хан / Сост., подгот. к изд., статьи, пер. на русс. яз., приложения, примеч. и коммент. Д.А. Функа. Подготовка мастер-диск К. Г. Шаховцова.// Кемерово: ООО «Примула», 2012. 280 с.
11. Миклашевич Е.А., Панкова С.В., Мухарева А.Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Льнищенская. Улазы III. Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. // Вып. X. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 72-111.
12. Байбердина М.А. Изображения тесинского времени в Минусинской котловине в контексте археологического материала // Теория и практика археологических исследований. // 2019. Т. 27. № 3. С. 20–34.
13. Кузьмин Н.Ю. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. // Астана: Издательская группа ПЦК РК, 2008. С. 187-204.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Grjaznov M.P. Drevnejshie pamjatniki geroicheskogo jeposa narodov Juzhnoj Sibiri // ASGJe. Vyp. 3. 1961. S. 7-31.
2. Borodovskij A.P., Larichev V.E. Ijusskij klad (katalog kollekcii). // Novosibirsk: Institut arheologii i jetnografii SO RAN, 2013. S.120
3. Zhirmunskij, V.M. Skazanie ob Alpamyshe i bogatyrskaja skazka.//M.:Izd-vo vostochnoj lit.,1960.S.333
4. Burykin A.A. K tipologicheskoj harakteristike rannih form jeposa: po materialam severotungusskih narodov // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Serija Jeposovedenie. №4 (08). 2017. S.5-16.
5. Meletinskij E.M. Proishozhdenie geroicheskogo jeposa.//M.: Vostochnaja literatura, 2004. S.464

6. Yakovleva M.P. The Hero's Type in Heroic Legends of the Evenk But Clan // Bulletin of the KIH of the RAS. 2016. Vol. 23. Is.1. P. 237-242.
7. Bichurin (Iakinf) N.Ja. Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vreimena. // T.3.M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1953. S.328
8. Kjuner N.V. Kitajskie izvestija o narodah Juzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka. Vypusk pervyj. // M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1961. S.391
9. Maljavkin A.G. Tanskije hroniki o gosudarstvah Central'noj Azii. // Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1989. S.432
10. Shorskij geroicheskiy jepos. T. 3: Sybazyn-Olak. Vysporennaja Altyn-Torgu. Kara-Han / Sost., podgot. k izd., stat'i, per. na russ. jaz., prilozhenija, primech. i komment. D.A. Funka. Podgotovka inaster-disk K. G. Shahovcova.// Keimerovo: OOO «Priinula», 2012. 280 s.
11. Miklashevich E.A., Pankova S.V., Muhareva A.N. Petroglify gory Sosniha // Pamjatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny: Georgievskaja. L'nishhenskaja. Ulazy III. Sosniha. Trudy Sibirskoj Associacii issledovatelej pervobytnogo iskusstva.//Vyp.X.Keimerovo:Kuzbassvuzizdat,2012.S.72-111
12. BajberdinaM.A. Izobrazhenija tesinskogo vreimeni v Minusinskoj kotlovine v kontekste arheologicheskogo materiala//Teorijai praktika arheologicheskikh issledovanij//2019.T.27.№ 3.S.20–34
13. Kuz'min N.Ju. Jetapy slozhenija i razvitija tesinskoj kul'tury (po pogrebal'nyim pamjatnikam stepej Minusinskoj kotloviny) // Noinady kazahskih stepej: jetnosociokul'turnye processy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoj jepohi. // Astana: Izdatel'skaja gruppa PCK RK, 2008. S. 187-204.